

**КОРОЛИ  
ФРАНЦУЗСКОГО  
ТРИЛЛЕРА**



# МАКСИМ ШАТТАМ

*Да будет  
воля Твоя*



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.133.1-312.4  
ББК 84(4Фра)-44  
Ш29

Maxime Chattam  
QUE TA VOLONTÉ SOIT FAITE

Серия «Короли французского триллера»  
Перевод с французского *Елены Морозовой*  
Оформление обложки *Екатерины Фerez*

**Шаттам, Максим.**

Ш29 Да будет воля Твоя : [роман] / Максим Шаттам ; [пер. с фр. Е. Морозовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-17-115010-5

Добро пожаловать в Карсон Миллс, небольшой городок на Среднем Западе с маковыми полями, лесами и маленькими домами, где все знают друг друга по имени, а секреты сложно утаить. Настоящий маленький рай ... если бы не Йон Петерсен. Он — воплощение всего худшего, что есть в человеке; сам Дьявол боится его. Рано или поздно вы окажетесь у него на пути. И тогда... Ваши самые низменные инстинкты могут вырваться наружу.

УДК 821.133.1-312.4  
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-115010-5

© Maxime Chattam, 2015  
© Editions Albin Michel, 2015  
© Морозова Е., перевод, 2019  
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Искусства пересекаются, дополняют и взаимно обогащают друг друга — для этого они и созданы. Когда вы будете читать этот роман, предлагаю вам поставить фоном музыку, ту самую, что вдохновляла меня во время написания почти всего произведения. Музыка позволяет отрешиться от мира, уединиться в своей читательской башне из слоновой кости. Вот те музыкальные произведения, которые, на мой взгляд, станут прекрасным сопровождением к этой книге:

- «Дом из песка и тумана» Джеймса Хорнера;
- «Часы» Филипа Гласса;
- «Четыре времени года» Вивальди в обработке Макса Рихтера.



*Посвящается Ноне, Сьюзен, Ги и Дани,  
привившим мне вкус к старине,  
а еще потому, что они там,  
откуда пришел я.*



Он попытался вспомнить сон, но не смог. Осталось только впечатление, которое сон произвел на него. Он подумал, что эти существа, возможно, явились, чтобы предупредить его. Предупредить о чем? О том, что он не может пробудить в сердце ребенка то, что в его собственном сердце обратилось в прах.

*Кормаk Маккарти,  
«Дорога»*

Мой замысел — это всего лишь мой замысел, а дело есть дело.

*Поль Валери,  
«Тетради»*

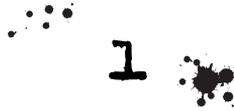


## Предисловие

**В**о многих романах, где препарируют то, что называют насилием и злом, читателя держат за дверь с крошечным окошком, куда ему позволяют подглядывать, дабы он безопасно и безбоязненно мог наблюдать самое гурное, что есть в нас. Эта дверь является молчаливым обещанием защиты со стороны литературы, которая покровительствует тем, кто ей доверился. В этой книге дверь распахнута настежь. Наш роман, хотя и жесток, не пытается ничего преувеличить, он лишь ищет ответы на вопросы. Когда же будет перевернута последняя его страница, уверен, ответ на самый страшный вопрос взорвет ваше сознание. Но гля этого вам придется пройти по опасным дорогам. Так что будьте осторожны.

А чтобы избежать любых недоразумений, знайте, что я не принадлежу к тем рассказчикам, с которыми вам предстоит познакомиться, я всего лишь извлек этот текст из старой пыльной коробки, найденной среди семейного хлама на чердаке.

Эджкомб,  
18 июля 2014



**Н**аступил один из тех ленивых рассветов, когда серая и сырая заря долго потягивается, а потом с трудом карабкается к низко нависшим тучам, будто бы не желая освещать очередной день на земле людей. Райли Ингмар Петерсен подпрыгивал, стараясь не угодить в заполненные грязью ямки посреди высокой травы и увядшего вереска, и в то же время не отстать от длинноногого отца, который, хоть и нес тяжелый молот на плече, легко и быстро двигался вперед. Сухощавый, с такой тонкой кожей, что при малейшем движении заметно, как вибрируют сухожилия, проступают вены и перекатываются мускулы, напоминающие непредсказуемые морские течения и готовые в любую минуту взорваться яростной пеной, Йон словно весь состоял из нервов.

Фермер с сыном спускались по склону лощины за их владениями, двигаясь к чахлой рощице — горстке буков, тополей и ясеней с тощими, изможденными стволами, похожими на сваи, — к рифу, полупрозрачному в свете усталой зари. Йон называл этот кусок земли «неудобьем», ведь что бы там ни сеяли, ничего не прорастало, и даже природе, несмотря на вековое упорство, не удалось пробудить плодородную силу в здешней бесплодной почве.

Склон покрывали беспорядочные клочья тумана. По мнению одиннадцатилетнего Райли, чьи ноги по самые бедра тонули в этих обрывках, оставляя за собой две исчезающие борозды, туман слишком тяжел, чтобы подняться в небо. Пес Купер, трусивший за ним на ремешке, исчез полностью, о его перемещениях свидетельствовал лишь призрачный поводок. Купер был маленькой тщедушной дворнягой нескольких месяцев от роду, найденной Райли накануне. Всклокоченная, с серой и черной лохматой шерстью, в которой тонули маленькие глазки, она сидела между двумя мусорными баками и дрожала от страха и холода. Райли знал, что отец ненавидит собак, он всегда говорил, что они воняют, что на них нельзя положиться и что это всего-навсего лишний рот, который придется кормить, однако в этот раз Райли не смог удержаться, чтобы не приласкать несчастное животное и в конце концов не взять его домой.

Отец пронзил его взглядом. Райли чувствовал, что точнее было бы сказать «расстрелял взглядом», он был не глуп, учился в школе, и если и получал неважные оценки, то вовсе не из-за недостатка интеллекта, а просто от нежелания посещать это заведение. Когда Йон обнаружил собаку, он медленно перевел взгляд на сына, и мальчику послышался неприятный скрежет когтей по черной доске, чернильные шарики зрачков наливались яростью, достигнув, наконец, таких размеров, что, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Они, вращаясь, царапали череп до самой кости, пока наконец не замерли, уставившись на Райли.

— Что *это*? — спросил отец с отвращением, адресованным не столько собаке, сколько ребенку.

— Это... Купер. Я нашел его по пути из бакалейного магазина.

— Ты знаешь, как я отношусь к собакам, так почему ты меня ослушался?

Йон был высок, очень высок, и когда подходил к сыну, тому приходилось задирать голову, чтобы смотреть отцу в глаза. Райли знал, что в такие минуты главное — не опускать глаз. Этого Йон Петерсен не переносил. «Только слабаки отводят взгляд, когда с ними разговаривают!» — постоянно повторял он. Избегать взгляда своего собеседника означало сдать оружие, выдать себя, и если затем последует выволочка, значит, она заслужена. Поэтому Райли не отступал. Он знал, что это очень важно. И потому так сильно откинул назад голову, что на мгновение в глазах у него потемнело и он почувствовал острый запах отцовского пота и камфару табака, который тот курил. Бледное лицо Йона напоминало грозную бутристую луну с двумя бездонными кратерами, двумя безымянными пропастями, которые ни один астроном не захотел бы ни исследовать, ни дать им название. Луна быстро затмила голую лампочку на потолке и свинцовой тяжестью накрыла Райли. Мальчик хорошо знал эту тень, он вырос под ней и знал, что в ней скрывается. Однако на этот раз он решил не отступать. Он очень хотел оставить эту собаку и ясно ощущал, что пес тоже этого хочет, что чувства их взаимны, ибо между ними произошло что-то вроде любви с первого взгляда. В кои-то веки Райли решил настоять на том, чего он хотел больше всего. Самое время, ему уже одиннадцать лет. Он не намеревался оспаривать отцовское превосходство, нет, он лишь хотел проявить характер. И верил, что это сработает. Может быть, даже доставит удовольствие Йону, хотя тот никогда этого и не скажет. В семье ценили смелость. И мальчик, набравшись духу, принялся отстаивать свое решение:

— Он станет служить нам, пап. Смотри, какой он умный, я это сразу заметил, он мог бы охотиться на лис, которые таскают у нас кур, и он хороший сторож, по нему сразу видно.

Зрачки Йона сузились. Они больше не угрожали вырваться из своих оболочек и черным потоком растечься по щекам. На их месте осталась только невидимая, пронзавшая Райли во всех направлениях сила. Две длинные пики, что прокалывают тебя, стремясь причинить боль, разворошить все тело, разорвать все внутренние органы. В тот миг Райли почувствовал, что быть расстрелянным наверняка гораздо менее болезненно, и именно поэтому отец заменил пули клинками.

А затем, столь же стремительно, как кукуруза на сковороде превращается в попкорн, клинки исчезли. Смирившись, Йон вздохнул, сухо выдохнул через нос и сделал сыну знак исчезнуть. В тот вечер они больше не говорили о Купере, и Райли понял, что таким образом отец одобрил нахождение собаки в доме. Вскоре он перестанет ее замечать. Теперь Купер стал частью семьи.

Рано утром Йон разбудил Райли, отрезал сыну ломоть хлеба и налил стакан апельсинового сока. Йон завел такой обычай, чтобы подбодрить мальчика и придать ему сил, перед тем как взять его с собой на охоту, на рыбалку или — что случалось гораздо чаще — помогать наводить порядок на ферме: чинить загородки, чистить необходимый инвентарь, латать клетки в курятнике после набега лисы или менять сгнившие от сырости доски в полу амбара. Любимый завтрак ждал Райли: большой кусок хлеба со сливочным сыром.

Прежде чем выйти из дома, Йон бросил сыну повод для выездки лошадей.

— Чтобы тащить твою кобелину, я не собираюсь бегать за ним.